

ДИСКУССИИ

КОНСТРУКТИВИСТСКАЯ ПАРАДИГМА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ¹

© 2002 г. В. Ф. Петренко

Член-корреспондент РАН, доктор психол. наук, профессор, МГУ, Москва

В дискуссионной статье обсуждаются проблемы конструктивизма в гуманитарных науках и дается критика базовой метафоры “теории отражения”. Автор обосновывает позицию, согласно которой гуманитарные науки, и психология в частности, не только описывают социальную жизнь и внутренний мир человека, но и, создавая системы понятий, модели, категории, опосредствующие восприятие и осознание мира, других людей, самих себя, по принципу кольцевой каузальности, конструируют и саму эту социальную действительность и духовный мир человека.

Ключевые слова: конструктивизм, сознание, психосемантика, теория личностных конструктов, методология психологии.

Эволюционная парадигма мышления, подготовленная философскими идеями становления (Гегель) и развития (Монетти, Бюффон, Кондерсе), возникла в биологии (Ж. Ламарк, Ч. Дарвин), была затем успешно перенесена в социологию (Г. Спенсер, К. Маркс), историю (школа аналов: Ж. Ле Гофф, М. Блок, затем – А. Гуревич), теорию ноосферы (Э. Леруа, В. Вернадский, Тейяр де Шарден), лингвистику (младограмматики: А. Шлейхер, Д. Пауль, А. Потенция; в XX в. – А. Мейе, Э. Бенвенист), космологию (А. Фридман, Г. Гамов, Э. Хаббл), эволюционную генетику (И. Шмальгаузен, А. Северцов), психологию (Ж. Пиаже, Л. Выготский, Дж. Келли). Идея качественного развития различных форм материи и духа стала важнейшим атрибутом научного, да и житейского сознания.

Эволюционная парадигма фиксирует возможность изменения законов функционирования системы по мере прохождения ею некоторого временного отрезка, траектории, исторической эпохи, цикла развития, жизненного пути.

Другой вектор становления эволюционного сознания, представленный синергетикой, или теорией диссипативных структур (И. Пригожин, Г. Хакен), связан с вызревающей парадигмой потенциальной множественности возможных путей развития, множества траекторий, где “ставшее” актуально существующее бытие есть только одна из воплотившихся реализаций потенциально возможного, только одно из устойчивых состояний, к которым могла бы прийти эволюционирующая

система. Применительно к истории возможность сослагательного наклонения – “что было бы, если бы реализовалась альтернативная версия значимого исторического события”, как в этом случае развивались бы обстоятельства и формировался общественный менталитет и культура – осуществил А.Дж. Тойнби [16].

В отечественной психологии, базирующейся на марксистской методологии всегда как имплицитно, так и эксплицитно (яркий пример – культурно-историческая концепция Л.С. Выготского), присутствовали идеи эволюционизма и активности познающего субъекта. Однако базовая метафора отражения, сыгравшая позитивную роль в рассмотрении эволюции психики в ходе ее адаптации и приспособления к природной среде (вспомним, например, “Проблемы развития психики” А.Н. Леонтьева с его сенсорной, перцептивной стадиями и стадией интеллектуальных операций), на более поздних этапах развития психологической науки, когда последняя перешла, в частности, к проблематике личности, на наш взгляд, исчерпала свой эвристический потенциал и стала во многом тормозом развития. Метафора отражения в самом базовом образе содержит элемент вторичности психической активности, ее реактивности. Например, уже на уровне физиологии активности Н.А. Бернштейн вводит понятие “модель потребного будущего”, работы же П.К. Анохина, отдавая дань стагнирующей идеологии, вводят понятие “опережающее отражение”. Само развитие теории физиологии активности неизбежно выводит методологию за рамки базовой метафоры отражения. “Опережающее отражение” – это по сути оксюморон. Другой пример исчерпания базовой метафоры дает, например, теория искусственного интеллекта, где

¹ Статья подготовлена на основе доклада, сделанного на Научных чтениях кафедры общей психологии МГУ в 2001 г.

Исследования проводятся при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

особую роль приобретают базы знаний, экспертные системы с рефлексией, т.е. включающие уровни метаязыка, описывающего собственную базу знаний – знания о знании (Д.А. Поспелов). Проблема рефлексии знания, конечно, ключевая и для человеческого сознания. Но опора на метафору отражения потребовала бы воображения такого плохо описуемого образа “слоистого отражения”, который мог бы породить только сюрреализм Дали.

Могут показаться излишними мои атаки на базовую метафору теории отражения. В конце концов, в истории языка имеется много примеров, когда содержание слова утрачивает связь с породившей его метафорой и слово со стершимся образом становится термином-ярлыком. Но возьмем для примера физику, где трактовки электрона как частицы или как волны имели длительную историю борьбы и дискуссий. Фотоэлектрический эффект и данные о квантованном излучении при люминесценции давали трактовку в пользу частицы, а феномены дифракции и интерференции при прохождении пучка электронов через щель свидетельствовали в пользу волны. Фиксация на том или ином образе-метафоре направляла ход мысли того или иного теоретика, и противоборство школ было достаточно острым. И уравнение Э. Шрёдингера, описывающее функцию распределения плотности материи, строит уже вероятностную модель, как бы снимающую две предыдущие образные метафоры. Здесь можно сослаться на то, что понимание абстрактных теорий требует некоторой образности и феноменов “вторичной визуализации” абстрактных терминов описан в психологической литературе. Сошлемся на свидетельство Альберта Эйнштейна, говорившего, что он мыслит образами.

Но вернемся к психологии, и здесь я полагаю, что проблема критики базовой метафоры имеет более глубокий смысл.

Обратимся к “Краткому психологическому словарю” под редакцией А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского, который на сегодняшний момент является наиболее поздним и полным справочником отечественной психологической науки. Он дает такое определение: “Сознание – высший уровень психического отражения действительности, присущий только человеку как общественно-историческому существу” [14, с. 368]. Я не знаю, кому конкретно принадлежит авторство словарной статьи, но это, так сказать, школьное определение, пришедшее из учебников по философии, и средний студент на экзамене по психологии норочит воспроизвести именно это определение. В последнем издании словаря 1998 г. к этому определению добавилось еще и следующее: “...сознание – это высший уровень психического отражения и саморегуляции”, что не меняет существа дела.

Что же отражает сознание? Действительность? Последнее предполагает нечто существующее само по себе (безотносительно к познающему субъекту), законы которого и изучает познающий субъект (так сказать, отражает). Эти представления стали расхожей нормой. Они базируются на школьной, вульгарной трактовке диалектики, которую насаждала официальная идеология. (Отмечу, что в отечественной философии всегда существовали и более глубокие умы, но они были поставлены в такие условия, когда их влияние на общественное сознание, в частности психологическую науку, было сведено к минимуму. И я говорю о некоем нормативном общественном сознании, в котором принято рассуждать о законах физики, законах природы, законах функционирования общества.)

Взамен бессубъектного понятия “действительность” С.Л. Рубинштейн в своем труде “Бытие и сознание”, особенно в книге “Человек и мир”, вводит в психологическую литературу понятие “бытие”. “Бытие как таковое, – пишет он, – как сущее – это исходное, первично данное, необходимо предполагает мое познание, т.е. человека, существование сущего и познаваемого” [15, с. 9]. И далее: “Познающий субъект – это человек, сущее, наделенное сознанием, расположенное внутри сущего. Таким образом, исходным является онтологическое отношение различных сущих, сущих с различным способом существования, а познание – это осуществляющееся внутри онтического отношения различных сущих” (там же). Здесь обнаруживается некоторая двусмысленность при сведении всего сущего к “объективной реальности”.

Наука о бытии невозможна без человека. Специфическим способом существования человека, по Рубинштейну, является наличие у него сознания и действия (там же, с. 19). Мир, по Рубинштейну, есть “организованная иерархия различных способов существования, точнее – сущих с различным способом существования” (с. 10).

Вместо бессубъектной “объективной действительности” объектом психологического рассмотрения и осознания у Рубинштейна оказывается “мир существования как мир человеческого страдания...” (с. 19).

Проблема пристрастности бытия, включенности человека в мир, мир человеческой культуры, приводит, на наш взгляд, в рамках сходной логики и А.Н. Леонтьева (в позднейший период его творчества) к понятию “образ мира”, где он говорит о пятом квазиизмерении, в котором открывается человеку объективный мир. Это – “смысловое поле”, система значений. “Значения, таким образом, несут в себе особую мерность. Это мерность внутрисистемных связей самого объективного

предметного мира. Это и есть пятое квазиизмерение его!" [8, с. 6].

Но система значений как носителей общественного сознания подразумевает введение в объект познания мир человеческой культуры. Тем не менее, Леонтьев строго следует материалистическому пуризму, говоря о "внутрисистемных связях **объективного** предметного мира". Однако введение значения "как единицы, связующей общение и обобщение" (Л.С. Выготский) в саму ткань образа мира, а значит, и имманентно в позицию наблюдателя, вводит культурно-историческую составляющую в объект познания. Как тут не вспомнить дискуссию А.Н. Леонтьева и П.Я. Гальперина, где Леонтьев, отрицая прямую трансляцию ориентировочной основы действия из материальной формы в речевую (согласно теории поэтапного формирования), говорил о том, что содержание, будучи выраженным в речи, в системе значений, неизбежно входит в новые связи и расчленения. В рамках этой последней работы А.Н. Леонтьев, переключаясь с Ж. Пиаже и Дж. Брунером, пишет о построении "в сознании индивида многомерного мира, в котором мы действуем" [8, с. 7]. На мой взгляд, здесь уже содержатся идеи конструктивизма.

В дальнейшем эта линия размышлений получила свое продолжение в книге С.Д. Смирнова "Психология образа", в статьях В.В. Петухова о картине мира. Особое место занимает статья В.П. Зинченко, М.К. Мамардашвили "Проблема объективного метода в психологии" [5], где авторы обосновывают правомочность понятия "психическая реальность". В философской и психологической литературе термин "объективный" (например, "объективные методы") часто по традиции относят к физиологическим коррелятам психических процессов. В понимании психической реальности авторы смещают акцент с субстанциональной трактовки объективного как доступного остенциональным определениям к функционально-операциональному определению реального как опосредствующего индивидуальную психику и деятельность, наделяя этим статусом и фантазию и вымысел. «Субъектность сама входит в объективную реальность, данную науке, которая является объективной, каузально организованной по отношению к миру сознания, данному нам также и на "языке внутреннего"» [5, с. 116]. О навязчивом и патологическом действии бессознательных представлений авторы статьи пишут, что "эти патологические формации выявляются психоанализом не из органических повреждений или структуры биологических инстинктов как таковых, а из ушедшей на дно работы субъективности" (там же, с. 119). В художественной форме эту мысль о реальности психического выразил, на наш взгляд, А.П. Чехов. Герой рассказа "Черный

монах" Коврин беседует с галлюцинаторным образом монаха:

– "Но ведь ты мираж, – проговорил Коврин..."

– Это все равно, – ответил монах... – Легенда, мираж и я – все это продукт твоего возбужденного воображения. Я – призрак.

– Значит, ты не существуешь? – спросил Коврин.

– Думай, как хочешь, – сказал монах и слабо улыбнулся. – Я существую в твоём воображении, а воображение твоё есть часть природы, значит, я существую и в природе".

Приведя этот отрывок, мы хотели подчеркнуть опосредствующее влияние картины мира на поведение, жизнедеятельность человека. В настоящее время эта мысль наиболее интересно развивается в работах Ф. Василюка о "жизненных мирах" (см., например, [1]).

Близкие мысли звучат и в современной отечественной философии, на мой взгляд переживающей в последнее десятилетие духовный ренессанс и наиболее динамическое развитие. Свидетельством этого является, в частности, издание "Новой философской энциклопедии" (М., 2001). В словарной статье "Познание" И. Касавин пишет о том, что «познание не является "отражением реальности вне человека и человечества", но имеет дело лишь с содержанием коллективной деятельности и общения, поскольку последние нуждаются для своей организации в идеальных, т.е. возможных, пробных, приблизительных, вариативных моделях и перспективах» [6, с. 259].

Реконструкцией картины мира субъекта в различных его локусах, будь то этническое сознание, политический менталитет или эстетические предпочтения, занята, конечно, и экспериментальная психосемантика. Я не буду сейчас останавливаться на принципах психосемантики, так как неоднократно и подробно делал это в своих письменных и устных выступлениях. Отмечу, что теория личностных конструктов Дж. Келли на Западе часто именуется собственно конструктивистской психологией, согласно которой познающий субъект, подобно ученому, выдвигает и проверяет альтернативные гипотезы о мире, и поведение субъекта рассматривается не как реакция на внешние стимулы, а, скорее, как вопрос, поставленный миру. Хочу подчеркнуть другое. Несмотря на пугающий многих психологов аппарат формализации, включающий многомерную статистику, факторный и детерминационный анализ, построение субъективных семантических пространств, выступающих операциональной моделью сознания, психосемантика во многом является вариантом проективных методик. Геометрические модели семантических пространств дают компактную, высокоструктурированную, визуализированную форму репрезентации "имплицит-

ных моделей личности” в терминах Дж. Брунера, П. Тагиури или “социальных репрезентаций” в терминах С. Московичи. Формализация позволяет: обобщить исходный язык описания, сгруппировав исходные признаки-дескрипторы в более емкие категории-факторы, отражающие базовые формы категоризации; выявить число категорий-факторов, т.е. когнитивную сложность сознания в той или иной содержательной области; определить “перцептуальную силу признака” — субъективную значимость того или иного основания категоризации по выражаемому им вкладу в общую дисперсию; найти координаты коннотативных значений в рамках семантического пространства, фиксирующие смыслы субъекта по отношению к анализируемым объектам. Однако интерпретация выделенных структур требует наличия другого чувствующего, страдающего, включенного в человеческую культуру субъекта, который средствами своей психики, своей субъектности моделирует психику, личность другого. Координаты коннотативных значений в семантическом пространстве выполняют, по сути, роль ориентировочной основы (в смысле П.Я. Гальперина) для деятельности по эмпатии, сопереживания, встраивания в картину мира, сознания другого человека. Классическая психометрика (вспомним тест Кеттелла или ММРП) рассматривает субъекта как точку в пространстве диагностических показателей. Психосемантические же методы позволяют представить субъекта как носителя системы смыслов, что на операциональном языке соответствует не координатной точке, а целому облаку реперных позиций, и субъект выступает неким смысловым микрокосмом, индивидуальной системой мировосприятия и уникальной системой отсчета. Наряду с лингвистической теорией относительности Сепира-Уорфа нам представляется возможным говорить о психологической теории относительности категоризации и мировосприятия.

С точки зрения герменевтики [3] естественные науки — это науки о познании, а гуманитарные — направлены на понимание. Согласно понимающей психологии В. Дильтея, Э. Шпрангера, “природу мы объясняем, а душевную жизнь понимаем”. Мы интерпретируем это противопоставление как следствие различия объектов познания. Если естественные науки реализуются в рамках субъект-объектных отношений, где объект познания самотождествен и подчиняется неким законам, которые имеют детерминистический или вероятностный характер и изменяются (эволюционируют) слишком медленно в сравнении со временем бытия познающего субъекта, то гуманитарные науки, изучая мир человека, социальной группы, этнической общности, политического сообщества в их синхроническом или диахроническом аспекте, имеют дело с субъект-

субъектной парадигмой, где взаимодействие исследователя с познаваемым неизбежно изменяет как познаваемое, так и самого познающего. Применительно к личности, обладающей свободой воли и тем самым не являющейся жестко детерминированной системой, говорить о законах, на наш взгляд, некорректно. На уровне психологии личности нам не известно ни одного закона, в лучшем случае можно говорить о закономерностях в поведении. Человек обладает возможностью как выбора, так и открытия новых творческих форм сознания и бытия, которые заведомо не могли быть известны исследователю.

Как пишут создатели НЛП (нейролингвистическое программирование) Д. Гриндер и Р. Бэндлер, наши проблемы являются следствием незнания наших возможностей, и острота проблемы может быть снята ее переосмыслением (см. логотерапию В. Франкла).

Однако линия разделения на объяснительную и понимающую науку, очевидно, не совпадает с делением наук на естественные и гуманитарные, а определяется методическими средствами, которые использует исследователь. В психологической науке, например психофизике, используется естественнонаучная субъект-объектная парадигма, позволяющая формулировку законов, например Вебера-Фехнера или Стивенса, и гуманитарная субъект-субъектная парадигма, по сути являющаяся интерпретационной, понимающей.

В гуманитарной парадигме познаваемое — другой человек или коллективный субъект — не является жестко детерминированной системой, подчиняющейся строгим законам, а, обладая внутренним развитием (применительно к человеку) и свободой воли, выступает не равным, не тождественным самому себе в каждый новый момент времени. Чем более развита система, тем больше степеней свободы она имеет, и применительно к личности человека или социальной общности некорректными являются эквифиналистские модели и прогнозы, построенные на принципе детерминизма. Речь может идти только о сценарных вариантах развития событий, где человек или общество реализует одну возможность из “веера” потенциальных возможностей в каждый момент времени. Поэтому описание человека или социальной общности в рамках понимающей психологии или социологии осуществляется через картину мира человека или социума, системы ценностей или мотивов, на которые опирается индивидуальный или коллективный субъект в своем планировании “потребного будущего” или принятии решений.

Писатель А. Моруа отмечает, что человеческая жизнь скорее напоминает обрывки неоконченных романов, сюжеты без продолжения, чем похожа на развернутую повесть с прологом,

кульминацией и развязкой. Тем не менее, другой мыслитель – философ Г. Померанц, анализируя маловероятное стечение обстоятельств в новейшей российской истории и судьбе ее лидеров, вынужден обратиться к категории Провидения в качестве объяснительного принципа [13]. С нашей точки зрения, возможно, то, что мы называем судьбой, может быть объяснено как действие более высоких уровней системной регуляции (колец саморегуляции с обратной связью в духе Н.А. Бернштейна), которые пока еще не открыты, но включают человеческое бытие как элемент более сложной системы развития “интегрального сознания”.

В любом случае человек и человечество меняются и эволюционируют в реальном времени со скоростью, сопоставимой с процессом познания познающего субъекта, что создает ситуацию, скорее, диалога познающего и познаваемого, в ходе которого, как отмечалось выше, происходит взаимное влияние и изменение познаваемого и познающего. Даже, казалось бы, история, изучающая уже реализованное, “ставшее бытие”, непрерывно переосмысливается и переписывается заново, так как и в контексте новой ситуации сегодняшнего дня изменяется вес, значимость тех или иных свершившихся событий, меняется фигура и фон калейдоскопа фактов. Как выразился Б. Пастернак, историк выступает пророком, “предсказывающим назад”.

Наличие “самореализующихся прогнозов”, функционирующих по принципу “круговой каузальности”, свидетельствует о том, что само познание меняет и структурирует бытие человека. Как полагает Дж. Келли, “поведение человека канализируется по тем же руслам, по которым происходит антиципация событий” [19]. Это положение, на наш взгляд, близко принципу “единства сознания и бытия” С.Л. Рубинштейна и исходит из того, что не только бытие определяет сознание, но и сознание организует, структурирует бытие (см. М. Вебер).

Применительно к искусству это выражается в том, что скорее не искусство отражает жизнь, а сама действительность рабски подражает искусству. Французский режиссер Жан Ренуар пишет о своем отце: “Он вылепил толпу по образу своего идеала... Улицы наших городов полны Ренуарами: девушками, детьми с искренним взглядом и кожей, которая не отталкивает света”.

Применительно к психологической или, более широко, гуманитарной науке влияние теоретических конструктов, построенных учеными, на жизнь, на социальное бытие общества проявляется не менее отчетливо. XX век, его культура, ментальность, искусство и даже политика, оказался густо насыщен идеями психоанализа Фрейда, которые по своей сути являются психотерапевтическими мифами. Говоря о психоанализе как о

терапевтическом мифе, мы вовсе не отрицаем его огромную терапевтическую ценность или значимость открытого им мира бессознательно-го, защитных механизмов личности, феноменов трансфера и т.д.

Психоанализ дает пациенту некий язык, набор понятий и образов, позволяющих выразить неосознанные травмирующие переживания пациента, сидящие, как заноза, в бессознательном, и сделать их доступными сознанию, а осмыслив, изжить.

Говоря о психотерапевтическом мифе, мы подчеркиваем, с одной стороны, своеобразную поэтику текстов З. Фрейда, подобную мифологической, что неоднократно отмечалось, в частности, российскими и французскими структуралистами, а с другой – то, что психоанализ изложен в форме конкретных примеров и притч. В отличие от естественнонаучного языка парадигмальных наук, оперирующих идеальными моделями и реализующих объяснения через “восхождение от абстрактного к конкретному” [4], от неких обобщенных законов к частному случаю, который описывается тоже в некой обобщенной, идеализированной форме, психоанализ оперирует системой прецедентов (вспомним случай с пациенткой А., или случай, описанный с господином Т., или через обращение Фрейда к собственным переживаниям детства). Можно по аналогии вспомнить “римское право” как иерархизированный, идеализированный свод законов и английское – построенное на системе прецедентов. Осознание единичного не через понятие, категорию, а через символ (трактуемый Ж. Пиаже как наиболее типовой образ из класса родственных объектов, или “прототип” – по терминологии Б. Рош), в нашем случае – через выбранный Фрейдом пример подспудно из личного опыта ведет к тому, что, осознавая свои проблемы в рамках психоанализа, пациент, клиент, просто обычный человек, знакомый с психоанализом, во многом видит собственные проблемы через призму личностного опыта Фрейда, личности Фрейда. И не только Ренуар “выплеснул” на улицы Парижа тысячи своих моделей, но и Фрейд вывел “человека из подполья”, осознающего и говорящего на языке психоанализа, проецировав свою личность на множество других личностей – “своих детей не по крови, а по ментальности”. В широком смысле все мы – в разной степени культуральной социализации – порождение литературы.

Яркий пример влияния науки на историю XX века дает и марксизм. Развивая в социологии эволюционистский подход Дарвина, Маркс построил теоретическую модель смены экономических формаций в результате классовой борьбы. Революция как апогей этой борьбы выступала, по Марксу, как “повивальная бабка истории”,

расчищающая путь лишенному эксплуатации светлому будущему – коммунизму. Образ идеального будущего, предложенный Марксом, являлся по сути продолжением утопических теорий Т. Кампанеллы, К. Сен-Симона, Ф. Фурье и в более глубинных своих основаниях уходил корнями в историю раннего христианства. Согласно Н. Бердяеву, сама идея заимствована из христианской теологии и представляет собой принявшее светский облик эсхатологическое мессианство, которое унаследовано от иудейско-христианских пророков и попросту переименовано: «Вместо провидения обожествлена сама история и на ее алтарь брошено все и вся, искупителем первородного греха сделан рабочий, а в грядущем обещано все то же второе пришествие Христа с мозолистыми руками и светлое царство духа, но только уже на земле. Свобода личности здесь растоптана железной поступью рационалистически истолкованной Истории, и жизнь сегодняшних поколений безжалостно принесена в жертву неведомому будущему “граду солнца”» (цит. по [2, с. 21]).

Возникнув как операциональная реализация новой утопии, идея классовой борьбы, “овладевшая массами”, приобрела огромный энергетический потенциал, сопоставимый по пассионарности с потенциалом мировых религий, в значительной мере направила историю XX века по рельсам заданных Марксом конструктов. Они определяли не только новейшую историю России, стран Восточной Европы, Китая, Вьетнама, Кубы и ряда стран “третьего мира”, но и, задавая линию оппозиции “биполярного мира”, влияли на внутреннюю и внешнюю политику Запада. Можно сказать, что концептуальные рамки истории были заданы мыслью Маркса. История стекает с кончика пера философа. Конечно, мы огрубляем суть исторического процесса, имеющего, скорее сценарные варианты и свои точки ветвления и бифуркации, и гипертрофируем роль отдельной личности в истории, которая писалась тысячами мыслителей и публицистов. Делаем мы это, чтобы подчеркнуть мысль о том, что история является в первую очередь реализацией идей, которые озвучивают политики, реализуют массы людей, внося свои элементы творчества, но “вначале было слово”, несущее некую идею. Идея же на языке психосемантики – система конструктов или же обобщений. Среди множества социальных отношений, в которые вступают люди, Маркс выделил отношения купли-продажи “абстрактного рабочего труда”, создающего “прибавочную стоимость”. Отметим попутно, что и “социальные отношения”, и “прибавочная стоимость” – тоже суть некие теоретические обобщения-конструкты, выделяющие какие-то аспекты социального бытия человека и определяющие те или иные пути осмысления. Акцент, к примеру, на производящей роли научных идей, ведущей к автоматизации

производству, мог бы породить иную концепцию развития общества, где наибольшей производственной силой является фундаментальная наука и соответственно ученые, а прогрессирующее развитие компьютерных технологий с обработкой знаковой информации вообще в корне изменяет представление о труде, сближая его с творчеством и фантазией. Возможны и религиозные модели всемирной истории, и даже искусствоведческие.

В конце концов, не “хлебом единым жив человек”, и этические идеи могут нести не меньшую пассионарную силу, чем борьба за передел собственности.

Рассмотрев на примере Фрейда и Маркса роль идей в порождении и конструировании социального бытия, где они интерпретируются не как формы “отражения”, а как одни из возможных моделей бытия, оказывающих обратное влияние на само описываемое бытие (не хотелось бы использовать слово “реальность”, ибо она традиционно представляется как независимая от описания данность, которую “изучают” гуманитарные и естественные науки). В этом плане понятийный аппарат, который создает каждая гуманитарная наука (и конечно, в том числе психология), не только описывает, но и привносит в описание новые связи и расчленения (а имплицитно – и некие аксиологические ценности), формируя в конечном итоге новые конструкты сознания (расширяя его), а через осознание конструирует и саму действительность. В старом споре: что раньше – “курица или яйцо”, сознание или бытие, наука или действительность, мы подчеркиваем не только познавательно-описательную направленность науки, но и ее (в первую очередь для гуманитарной науки) созидательно-конструктивистскую функцию.

Как мы стремились показать на двух предыдущих примерах, теоретические конструкции, предложенные мыслителем или ученым, будучи присвоенными культурой, общественным сознанием, становятся теми рельсами, по которым движется история.

Конечно, это не одноклейка, ибо культура впитывает в себя идеи многих мыслителей, ученых, творцов искусства; есть множество ветвлений, развилок, и каждая страна, этническая культура имеет свои исходные пункты движения; пути сходятся и расходятся, выстраиваются новые, но важно еще раз подчеркнуть, что эти пути проложены конструктами сознания. Вначале было слово. В этом плане функция гуманитарной науки не только в описании уже “ставшего бытия”, но и в порождении конструктов расширяющегося сознания, задающего движение “становящегося бытия”.

Любая конструктивистская идея возникает в сознании погруженного в культуру субъекта и существует как текст в тексте, базируясь на множестве культурных миров, в которые погружен субъект, включая его неповторимый индивидуальный опыт. Отсюда уникальность и бытия каждого субъекта и его “личностного знания”. М. Полани пишет, что любое знание является личностным [12]. Близкая мысль звучит и у В. Лекторского: Я – как субъект познания – выступает как “единство сознания, единство индивидуальной биографии и центр принятия решений” [7, с. 87]. Любая, казалось бы, даже сциентистская или позитивистская идея содержит в себе в “свернутом виде” и философское основание (а каждая философская система – это своя уникальная система отсчета), и некую культуральную парадигму, и имплицитную систему ценностей, и личностный смысл самого ее создателя. Категориальный аппарат каждой науки имплицитно содержит и ее историю, перекличку мнений и позиций. Необходимо понимать, что, воспринимая тот или иной феномен, событие или поступок, мы неизбежно вносим в процесс его осознания те знания (научные понятия, существующие как текст в тексте), которые привнесены самой историей становления этого знания. Не существует эмпирического факта вне некой теории. О роли апперцепции писал еще В. Вундт.

Идея проекции культуры на объект познания имеет множество следствий. Так, применительно, например, к теории индивидуальности важно “развести” саму онтологию, которую описывает та или иная теория, и конструктивную модель, которая для нерелефлексивного сознания выступает эквивалентом этой онтологии.

Дж. Келли ввел понятие “зона приложимости конструкта”. Ее суть заключается в том, что конструкт, созданный для описания одной содержательной области, некорректно (в прямой, а не метафорической форме) переносить для описания другой. Например, оценка веса неприменима для описания запаха, а вопрос о локализации некорректен для мысли (не надо путать с локализацией нейропсихических процессов, реализующих мысль в субстрате мозга). Возможность метафорических переносов – особый разговор, требующий развернутого обсуждения (см. [11]), но правила приложимости конструктов на глубинных уровнях категоризации иные, чем на понятийном уровне, и подчиняются, скорее, “логике транс” или поэтического мышления. Так, метафорические соответствия на глубинном коннотативном уровне не позволяют выносить суждения по законам логики, построенной для понятийных уровней категоризации. Суждения типа – “земля наша – кормилица-мать (большая посылка), а мать не продается” (малая посылка), отсюда вывод: “нельзя продавать землю в частную собствен-

ность” – являются некорректными в силу нарушения “зоны приложимости” логических конструктов.

В свое время древних греков ставили в тупик парадоксы типа “вода текуча” и “вода состоит из четырех букв”. В рамках логической семантики (Дж. Рассел, А. Тарский, Р. Карнап, У. Куайн) слово, обозначающее понятие, стали брать в кавычки, а без оных – слово, означающее сам объект, “предметную отнесенность понятия”.

По-видимому, следует ввести и различные обозначения (через введение некоего знака, например звездочки (*), поставленной после слова), чтобы “развести” саму описываемую психологическую феноменологию и ее же, но в рамках некой теории, к которой принадлежит используемое понятие.

На наш взгляд, наряду с понятием “зона приложимости”, или “диапазон приложимости конструкта”, в плане смысловых переносов следует ввести временные рамки приложимости конструкта. Я формулирую это как принцип: “конструкт обратной силы не имеет”. Аналогично тому, как вновь введенный закон не имеет юридической силы относительно времени до его принятия, так и в психологии некорректна постановка проблемы “был ли древний грек личностью” или “являлся ли Цезарь интровертом”, ибо понятия “личность”, “экстраверт” возникли в истории культуры и науки значительно позднее. Нарушая временные ограничения области приложимости конструкта, мы неизбежно навязываем более ранней культуре собственные модели осознания и собственную психологическую онтологию. В более грубой, гротескной форме это характерно для фильмов Голливуда, исторические персонажи которых с обликом американских ковбоев борются за идеи демократии против варваров. Применительно к описанию исторического прошлого корректнее использовать язык самой эпохи или же в силу крайней затруднительности этого для массового читателя – условные символы для “разведения” самой психологической онтологии и ее модельного описания с помощью понятия. Так, “интроверсия” (как понятие) появилась в сознании К. Юнга, а затем в мировой культуре только в конце прошлого века, и она не может выступать характеристикой человека более ранних эпох, ибо мы проецируем на него культуру конца XIX в. При отсутствии подходящей лексики можно использовать слово *интроверсия**, понимая условность применения этой психологической характеристики во всей полноте ее содержания по отношению к той психической характеристике, которой обладал Цезарь (при этом мы, конечно, понимаем, что слова *психологическая**, *психическая** и *характеристика** тоже надо обозначать предложенным символом “*”). Аналогично, в модели

“Смысл–Текст” И.А. Мельчук для обозначения семантических единиц – сем вынужден использовать слова естественного языка, где эта сема ярко выражена, беря такие слова в специфические кавычки “лапки”, чтобы подчеркнуть то, что содержание слова, обозначающего данную сему и включающего иные семы, гораздо богаче, чем само обозначаемое. Проблема многослойности смыслового наполнения слова ведет к рассуждениям о том, что “язык заслоняет нам мир”. Но нет мира вне языка и культуры, и семиотическая знаковая форма человеческого бытия дает не только радость познания и понимания мира, но и возможность участвовать в его построении и развитии.

Высказанная здесь идея о том, что язык науки не только служит для описания сущего, но, создавая понятийный аппарат, и вносит свои связи и расчленения, которые через “круговую каузальность” сознания и поведения человека определяют самое бытие, имеет дополнительный аксеологический аспект. Любая психологическая теория имплицитно содержит свое понимание “потребного будущего”, “свою модель человека”. В этом плане варианты “гуманистической психологии”, “христианской психологии” или “психологии с человеческим лицом” содержат здравую, эвристическую компоненту, в явном виде вводящую этический компонент в психологическую теорию личности, в психотерапию. В недавнем обсуждении дискуссии, инициированной интересной публикацией А.В. Юревича в “Психологическом журнале” [18], автор склоняется к императиву методологической терпимости, навеянной принципом “пролиферации” П. Фейерабенда [17]. Признается правомочность и даже необходимость существования множества психологических теорий личности, ведущих полилог в духе М.М. Бахтина. Я полностью присоединяюсь к положению о правомочности и даже необходимости такой множественности психологических теорий. Недавно вышедшая книга патриарха отечественной философии Т.И. Ойзермана называется “Философия как история философии”, где он пишет, что “философия существует, так сказать, лишь во множественном числе” [10]. Думаю, это относится и к психологической науке. В библейской герменевтике, а также у немецких романтиков Навалиса и Шлегеля есть положение, согласно которому, какой бы текст ни писал человек, размышляя о вечных проблемах и сути бытия, он продолжает писать одну вечную Книгу, которая не закончена. Однако императив “методологическая терпимость” не снимает необходимости индивидуального выбора, пристрастия позиций той или иной школы. И здесь принцип “пролиферации” Фейерабенда, на котором базируются положения Юревича, не может дать приоритета. Принцип “пусть цветут все цветы”, а в дополнение – кроме сорняков не обеспечивает ни критериев приоритета, ни кри-

териев отбрасывания этих самых “сорняков”, т.е. лженауки. Но если критерием элиминации последней может быть принцип системного включения текста, теории в “корпус” психологической науки, где система цитирования, неявных ссылок, перекрестных ассоциаций обеспечивает вписанность, жизнь текста в тексте, так как гуманитарная традиция не только направлена на открытие нового, но и обеспечивает сохранение и поддержку самого культурного бытия, семиосферы в терминах Ю.М. Лотмана, то применительно к индивидуальному выбору той или иной концепции или психологической школы можно сформулировать принцип “этической аскезы” – выбора той модели человека, которая наиболее соответствует твоим нравственным, этическим критериям. И здесь нет единственно правильной позиции, как не может быть единственно правильной политической партии или этнического мировосприятия. Возможны, например, альтернативы прагматическому рационализму, принципу полезности или гедоническому принципу удовольствия. В качестве примера такого выбора приведу цитату из статьи Померанца: “Бог милостиво подарил нам страдание, – писал Псевдо-Дионисий. Наш мир потому и хрупок, чтоб через него виден был другой. Мир без страданий – блистательный новый мир Хаксли. Пошлый мир – без мысли о смерти и вечности” (см. [13, с. 35]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Василуек Ф.Е.* Жизненный мир и кризис. Типологический анализ критической ситуации // Психол. журн. 1995. Т. 16. № 3. С. 90–101.
2. *Великовский С.И.* Грани “несчастливого сознания”. М., 1973.
3. *Гадамер Х.Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.
4. *Давыдов В.В.* Виды обобщения в обучении. М., 1972.
5. *Зинченко В.П., Мамардашвили М.К.* Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7.
6. *Касавин И.Т.* Познание // Новая философская энциклопедия. М., 2001.
7. *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.
8. *Леонтьев А.Н.* Психология образа // Вестник МГУ, серия Психология. 1979. № 2.
9. *Назаретян А.П.* Интеллект во Вселенной. М., 1991.
10. *Ойзерман Т.И.* Философия как история философии. М., 2000.
11. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. М., 1997.
12. *Полани М.* Личностное знание. М., 1985.

13. Померанц Г. На птичьих правах // Русское богатство. Независимый частный журнал: литература, искусство, культура. 1994. № 2.
14. Психология. Словарь / Под общей редакцией А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. М., 1990.
15. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1997.
16. Тойнби А.Дж. Постигание истории. М., 1991.
17. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
18. Юревич А.В. Психология и методология // Психол. журн. 2000. Т. 21. № 5. С. 35–47.
19. Kelly J. A theory of personality // The psychology of personal constructs. N. J., 1955.

CONSTRUCTIVISM PARADIGM IN PSYCHOLOGY

V. F. Petrenko

Dr. sci. (psychology), corresponding member of RAS, professor, MSU, Moscow

The problems of constructivism in humanitarian sciences are discussed and the basic metaphor of "theory of reflection" is criticized. The idea is founded that humanitarian sciences and psychology particularly not only describe social and inner life of a man but also construct them. The way of it is creating systems of notions, models, categories which mediate perception and world knowing as well as understanding of self and others so the principle of circular causality realizes here.

Key words: constructivism, consciousness, psychosemantics, theory of personal constructs, methodology of psychology.